



Россия и Америка в XXI веке. 2013-2023

ISSN 2070-5476

URL - <http://rusus.jes.su>

Все права защищены

Спецвыпуск 2 Том . 2023

Канада в контексте мегатенденций современного мирового развития

Демчук Артур Леонович

*МГУ имени М.В. Ломоносова; Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН)
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье предпринимается попытка анализа наиболее значимых тенденций и потенциальных сценариев современного мирового экономического, политического и социального развития, а также места и роли Канады в контексте происходящих процессов.

Ключевые слова: мегатенденции, сценарии мирового развития, Канада

Дата публикации: 17.10.2023

Ссылка для цитирования:

Демчук А. Л. Канада в контексте мегатенденций современного мирового развития // Россия и Америка в XXI веке. – 2023. – Спецвыпуск 2.

URL: <https://rusus.jes.su/s207054760027895-1-1/>. DOI: 10.18254/S207054760027895-1

¹ Мегатенденции – это «... крупномасштабные социальные, экономические, политические, экологические или технологические изменения, которые формируются медленно, но которые, укоренившись, оказывают глубокое и продолжительное влияние на многие, если не на большинство видов человеческой деятельности, процессов и восприятий»¹. Причём отмечаемые мегатенденции взаимосвязаны и во многом взаимообусловлены.

2 Рассмотрим, на наш взгляд, наиболее значимые для Канады мегатенденции современного мирового экономического, политического и социального развития.

3 В первые два десятилетия XXI века среди наиболее значимых в развитии мировой экономики можно отметить такие мегатенденции, как увеличение конкуренции на мировом рынке, ужесточение экологических требований к производимым продуктам и услугам (что можно рассматривать и как элемент конкурентной борьбы); цифровизация и автоматизация производства (диктующие необходимость формирования у работников новых навыков, (пере)обучения, что становится вызовом для системы образования), внедрение нейросетей и систем искусственного интеллекта; продолжающаяся быстрыми темпами урбанизация (сопровожаемая созданием так называемых «умных городов»); стремление к рациональному устойчивому управлению ресурсами, декарбонизация производства в связи с изменением климата, увеличение доли «зелёной» энергетики, локализация (автономизация) энергосистем, использование возобновляемых источников энергии; создание новых транспортных коридоров и нарастание интенсивности эксплуатации ряда имеющихся (Северный морской путь в России, Северо-Западный проход в Канаде, китайский проект «Один пояс – один путь»); освоение труднодоступных территорий (что особенно актуально для арктических регионов России и Канады); масштабное планирование освоения космического пространства (в связи с ограниченностью доступных минеральных ресурсов Земли и загрязнением окружающей среды).

4 Глобальным контекстом разворачивающихся мегатенденций являются нарастание неопределённости и рисков, рост числа событий типа «чёрный лебедь» (от изменения климата и болезней (пандемии) до финансовых кризисов и техногенных катастроф), что серьёзно снижает возможности прогнозирования и уменьшает горизонт планирования.

5 На протяжении трёх лет пандемии ковид-19 проявился ряд проблем и тенденций развития общества, ключевыми из которых стали возврат от «постматериализма» 1980-х – 2000-х годов к ценностям выживания (human security), изменение представлений о социальной справедливости, солидарности, равенстве и доверии, противопоставление ценностей индивидуализма (свободы личности) интересам социума (коллективизм, «общество контроля»), изменение отношения к государству (пандемия стала своего рода стресс-тестом состоятельности государства, общество выдвигает требования обеспечения «подушки безопасности», «прозрачности») – снижение доверия к правительствам. Всё это зримо наблюдалось в канадском обществе, где политика федерального правительства и провинциальных органов власти приводила к различным в плане эффективности результатам, где наиболее пострадавшими от пандемии оказались наименее защищённые категории населения (в том числе коренные народы).

6 В социальной сфере не снижается масштабность проблем с бедностью, решить которые обещали с высоких трибун ООН более 20 лет назад (программа «Цели тысячелетия», повестка «устойчивого развития»), но которые не только не решены, но и усугубились. Нарастающее неравенство создаёт конфликтный потенциал как внутри государств, так и в межгосударственных отношениях.

7 Изменение глобальных демографических тенденций (старение населения, увеличивающее нагрузку на пенсионную систему, здравоохранение, социальные службы) почти наверняка также усугубит неравенство в экономических возможностях.

8 На второй план уходит экологическая проблематика (пример – «возрождение» угольных электростанций и отопления дровами в Европе) вопреки многолетней риторике об устойчивом развитии (sustainable development).

9 Внутри обществ и государств (в том числе Канады) увеличивается разрыв между требованиями людей и возможностями правительств и корпораций.

10 Локальные и региональные сообщества становятся всё более расколотыми, внутренние споры и «социальные разломы» усиливаются, что ведёт к росту напряжённости. Политика внутри государств становится всё более противоречивой. В условиях страха и неопределённости растёт национализм (этническая идентичность фундаментальна и неотъемлема) и религиозный фундаментализм (религия даёт уверенность в будущем). В Северной Америке (США и Канаде) это привело к росту популярности идей правого популизма.

11 Можно утверждать, что в мире существует общая проблема адаптации к происходящим изменениям (как для государств, так и для международной системы в целом).

12 В межгосударственных отношениях обостряется соперничество, борьба за стратегические ресурсы, необходимые, прежде всего, для поддержания жизни – экологические (водные, биологические) и энергетические. Мы становимся свидетелями разворачивающейся «борьбы за Арктику» (пример – взаимоисключающие претензии арктических государств на расширение границ континентального шельфа), где Канада и Россия имеют жизненно важные интересы, стимулы к сотрудничеству (например, по части использования Северо-Западного прохода и Северного морского пути) и соперничеству.

13 Риск межгосударственного конфликта становится выше, чем раньше, несмотря на желание крупных держав избежать полномасштабной войны, из-за новых технологий, расширяющегося круга целей, большого числа действующих лиц, более сложной динамики сдерживания и ослабления норм.

14 Спектр новых конфликтов может варьироваться от экономического принуждения, киберопераций и гибридной войны, включая использование повстанцев, частных военных компаний до использования регулярных вооруженных сил и ядерного оружия (обычного и стратегического). Никуда не исчезли и основания для терроризма.

15 Современные международные отношения также характеризуются рядом устойчивых мегатенденций.

16 Нарастает кризис сложившихся во второй половине XX века «правил игры», пренебрежение к правовым и моральным ограничениям, в том числе культурным, которые являются механизмами сдерживания агрессии, подрывается легитимность международного права. Проявляется пренебрежение к

национальным правовым нормам, в том числе касающимся права собственности (попытки нелегитимной конфискации иностранных активов в контексте санкционных режимов).

¹⁷ Наблюдается кризис (упадок) межгосударственных институтов (организаций, конвенций, договоров), создававшихся после Второй мировой войны, в том числе ООН. «Новые» игроки (вступающие в ООН или Европейский Союз) вынуждены принимать правила игры, выработанные «старыми» без их участия, что вызывает кризис легитимности. Заметен рост влияния неправительственных организаций (НПО), транснациональных корпораций, религиозных организаций, сетевых структур.

¹⁸ Помимо государств, НПО, религиозные группы, крупные технологические компании и другие негосударственные субъекты активно проявляют себя на международной арене. Располагая ресурсами, они создают альтернативные сети, которые, в зависимости от их функций и целей, будут либо конкурировать с государствами, либо помогать им.

¹⁹ Крупные державы проявляют инструментальное отношение к институтам (США выходит из организаций и договоров, которые считает невыгодными для себя). Канада, несмотря на исторический опыт активной внешней политики и участия в миротворчестве, по сути действует в русле навязываемой Соединёнными Штатами политики «коллективного Запада», присоединившись к антироссийским санкциям.

²⁰ В то же время глобальные межправительственные организации, которые когда-то служили основой международного порядка, возглавляемого Западом, включая ООН, Всемирный банк и ВТО, резко теряют авторитет и влияние, что в перспективе может привести к их распаду. Лидеры стран всё больше отдают предпочтение специальным межгосударственным коалициям (группировкам) (например, БРИКС, QUAD, или AUKUS) и региональным организациям (например, ШОС, Африканский союз).

²¹ Налицо кризис традиционных механизмов принятия решений большинством голосов в межправительственных и иных международных организациях. Всё чаще предпринимаются попытки пересмотра принципа единогласия 5 постоянных членов Совета безопасности ООН, обеспечивавшего устойчивость ООН более 75 лет. Хотя в академических кругах всё больше сторонников перехода от традиционной парламентской процедурной «демократии большинства» к делиберативной (консенсусной) модели демократии.

²² Всё более зримо на смену прагматизму приходит реидеологизация международных отношений (уже на новых основаниях), рационализм уходит на второй план, применяются «двойные стандарты», проявляется идеологический и моральный релятивизм («это – другое»). Нарастает идеологическая поляризация, демонизация противника (в том числе в риторике канадского руководства в контексте украинского кризиса).

²³ Наблюдается феномен «анонимной диктатуры» (используем фразу русского писателя В. Пелевина²), начавшийся со времён внедрения

«политкорректности». Неприятие нейтральности, требование «определиться», занять сторону. Все политические акторы делятся на «своих» и «врагов», мир предстаёт как борьба «добра» со «злом»³, тотальная война, в которой оправданы все средства и методы.

²⁴ В современных условиях меняется соотношение форм насилия. Происходит активизация структурного и культурно-информационного насилия («мягкой силы»⁴). Используются технологии «конструирования жертвы» (что наглядно проявляется в ситуации украинского кризиса) с целью вызвать симпатию к жертве, ненависть к врагу и желание «наказать» его.

²⁵ Проблема доверия в последние десятилетия становится глобальной проблемой международных отношений. Окончание холодной войны и противостояния блоков, ведомых СССР и США, не привели к гармонизации межгосударственных отношений и глобальной стабильности. Не исчезли военные и иные риски, на принятие внешнеполитических решений решающее воздействие оказывают страх и неопределённость, приводящие к стратегии «дилеммы заключённого»⁵, то есть принятию решений в условиях риска, исходя из наихудшего сценария.

²⁶ Международная система подвергается возрастающей фрагментации, что ведёт к выходу её из равновесия.

²⁷ Замедляются интеграционные процессы и наблюдается реверсивное движение – дезинтеграция (провал Евроконституции, а затем Брексит). На смену глобализации приходят новые разделительные линии, новые макрорегиональные и глобальные военно-политические и экономические блоки и союзы («коллективный Запад», Евразия, БРИКС), что сопровождается перераспределением кооперации с иностранными партнёрами/контрагентами.

²⁸ Происходит деглобализация, «анклавизация», формируется «мир регионов», «мир цивилизаций» (но не по религиозному признаку, как отмечал С. Хантингтон⁶, а по системам ценностей – коллективизм-индивидуализм, представлений о справедливости).

²⁹ Заметны симптомы упадка «западоцентричной» международной системы. Многополярность («бесполярность», аполярированность) приходит на смену однополярности и биполярности ранее.

³⁰ Формируется новое восприятие пространства. Оно имеет военное измерение (определяемое временем подлёта ракет, гиперзвуковым оружием), экономическое (логистика, транспортные коридоры, нефте- и газопроводы), культурное (влияние на территориях присутствия).

³¹ В государственных стратегиях происходит возврат к политическому реализму, в том числе в его классическом понимании⁷.

³² Как уже отмечалось, строить долгосрочные прогнозы мирового развития в условиях глобальной неопределённости крайне сложно, хотя попытки предпринимаются. В частности, определённый интерес представляет опубликованный в 2021 г. Доклад Национального разведывательного совета США

«Глобальные тенденции до 2040 г.: более конкурентный мир»⁸, авторы которого предпринимают попытку описать пять возможных (как «сдержанно оптимистичных», так и пессимистичных) сценариев развития современного мира на ближайшие два десятилетия.

³³ Наиболее оптимистичный, по мысли авторов доклада, сценарий – «Возрождение демократий» (Renaissance of Democracies), при котором произойдёт «возрождение открытых демократий во главе с Соединёнными Штатами и их союзниками», бурное развитие технологий на основе государственно-частного партнёрства в «демократических странах» (в том числе Канаде), в результате чего глобальная экономика трансформируется, «повышая доходы и улучшая качество жизни миллионов людей по всему миру». Социальные разногласия «ослабевают», доверие к демократическим институтам «возрождается», в то время как в России и Китае всё приходит в упадок: «годы усиления общественного контроля и мониторинга в Китае и России подавили инновации, поскольку ведущие учёные и предприниматели ищут убежища в Соединённых Штатах и Европе»⁹. «Возрождение демократий» описывает будущее, в котором США и союзники позволят технологиям улучшить качество жизни во многих странах мира, ослабляя социальные размежевания и повышая доверие к демократическим структурам. Это своего рода взгляд на мир сквозь «розовые очки». В нём Канаде уготовано процветающее будущее.

³⁴ Менее оптимистичным представляется второй сценарий – «Мир, плывущий по течению / Дрейфующий мир» (A World Adrift), парализованный политической поляризацией, медленным (или вообще нулевым) экономическим ростом и растущим неравенством доходов. Межгосударственные институты приходят в упадок, Китай остаётся ведущей мировой державой и даже усиливает своё влияние, но не может осуществлять лидерство, так как ему «не хватает воли и военной мощи, чтобы взять на себя глобальное лидерство, оставляя многие глобальные проблемы, такие как изменение климата и нестабильность в развивающихся странах, в значительной степени без внимания»¹⁰. Это – мир, брошенный на произвол судьбы, на «волю волн». В таком мире Канаде придётся решать свои проблемы, опираясь на собственные силы и ресурсы.

³⁵ Следующий сценарий – «Конкурентное сосуществование» (Competitive Coexistence), в котором формируется новый биполярный мир, где полюсами становятся Китай и США, чья взаимная торговля обеспечивает экономическое сосуществование и поддержание (шаткого) политического баланса. Существует «конкуренция за политическое влияние, модели управления, технологическое доминирование и стратегическое преимущество»¹¹, но это не приводит к войне. Глобальные проблемы в целом «под контролем», но некоторые важные проблемы игнорируются (или откладываются «на потом»), например, изменение климата.

³⁶ Конкурентное сосуществование – это баланс экономической мощи между Западом и Китаем, каждый из которых признаёт необходимость сотрудничества по торговым и другим вопросам. Потенциал для открытого конфликта снижается, хотя проблемы, связанные с долгосрочным изменением климата, всё ещё сохраняются. В этом сценарии Канада однозначно остаётся в орбите южного соседа – США и Западного блока в целом.

³⁷ Достаточно пессимистичен четвёртый сценарий – «Глобальная разобщённость / Отдельные бункеры» (Separate Silos), в котором мир разделён на своего рода «бункеры» – несколько экономических и военно-политических блоков различного размера и силы, ориентирующихся на Соединённые Штаты, Китай, Европейский Союз, Россию и пару крупных региональных держав. Менее сильным развивающимся странам трудно ориентироваться в этом мире: они «оказались посередине, а некоторые находятся на грани превращения в несостоятельные государства»¹². И снова некоторые важные глобальные проблемы остаются в стороне (то же изменение климата).

³⁸ «Отдельные бункеры» описывают мир замкнутых в себе политических группировок, стремящихся к самодостаточности, с меньшим количеством глобальных логистических цепочек поставок. И здесь место Канады в блоке с Соединёнными Штатами и другими западными союзниками.

³⁹ Наиболее тревожным и пессимистичным можно считать пятый сценарий – «Трагедия и мобилизация» (Tragedy and Mobilization), предполагающий глобальную продовольственную катастрофу, вызванную изменением климата, которая простимулирует согласованные ответные меры, активизирующие многонациональные институты. Богатые страны начнут помогать более бедным и решать проблемы изменения климата и другие глобальные проблемы, внедряя высокотехнологичные решения по всему миру. При таком сценарии природно-ресурсный, экономический и научно-технический потенциал Канады может быть задействован в значительной мере.

⁴⁰ Канадские аналитики и политические деятели довольно сдержаны и осторожны в плане прогнозов любого плана, не отдавая предпочтение какому-либо из вышеперечисленных сценариев и не предлагая альтернативных. Современная канадская политика строится из «поэтапного», «пошагового» (incremental) подхода принятии решений и разработки государственной политики, преимущественно «реагирующего» на проблемы политического стиля. В обозримом будущем Канаде предстоит искать ответы на внутренние вызовы, стоящие перед канадским обществом, и вызовы международной среды, опираясь на имеющиеся человеческие (интеллектуальные), экономические и иные ресурсы.

Примечания:

1. OECD (2016), OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016, OECD Publishing, Paris P. 21. Available at [>>>](#) (accessed 12.02.2023).

2. Пелевин В. Амфир «В». М.: Эксмо, 2006. 416 с.

3. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. Постмодерн или постмодернизация? (Опыты концептуализации ценностных изменений) // Политическая наука. 2002. №2. С. 8–24.

4. Galtung, Johan. Violence, Peace, and Peace Research. Journal of Peace Research, Vol. 6, No. 3 (1969), pp. 167—191.

5. Axelrod, Robert, 1984, The Evolution of Cooperation, New York: Basic Books.

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

7. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.

8. Global Trends 2040: A More Contested World / National Intelligence Council. March, 2021. 156 p. ISBN 978-1-929667-33-8. Available at: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (accessed 12.02.2023).

9. Ibidem.

10. Ibidem.

11. Ibidem.

12. Ibidem.

Библиография:

1. OECD (2016), OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016, OECD Publishing, Paris P. 21. Available at http://dx.doi.org/10.1787/sti_in_outlook-2016-en (accessed 12.02.2023).

2. Пелевин В. Амфир «В». М.: Эксмо, 2006. 416 с.

3. Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. Постмодерн или постмодернизация? (Опыты концептуализации ценностных изменений) // Политическая наука. 2002. №2. С. 8–24.

4. Galtung, Johan. Violence, Peace, and Peace Research. Journal of Peace Research, Vol. 6, No. 3 (1969), pp. 167—191.

5. Axelrod, Robert, 1984, The Evolution of Cooperation, New York: Basic Books.

6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

7. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.

8. Global Trends 2040: A More Contested World / National Intelligence Council. March, 2021. 156 p. ISBN 978-1-929667-33-8. Available at: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (accessed 12.02.2023).

9. Ibidem.

10. Ibidem.

11. Ibidem.

12. Ibidem.

Canada in the context of megatrends of modern world development

Arthur Demchuk

*Lomonosov Moscow State University; Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article attempts to analyze the most significant trends and potential scenarios of modern world economic, political and social development, as well as the place and role of Canada in the context of ongoing processes.

Keywords: megatrends, world development scenarios, Canada

Date of publication: 17.10.2023

Citation link:

Demchuk A. Canada in the context of megatrends of modern world development // Russia and America in the 21st Century. – 2023. – Special Issue 2.
URL: <https://rusus.jes.su/s207054760027895-1-1/>. DOI: 10.18254/S207054760027895-1